

Научная статья
УДК 94(5)
DOI: 10.18101/2305-753X-2022-3-22-27

БУНТАШНЫЕ ПОЛВЕКА ЗАБАЙКАЛЬЯ

© **Евтехов Роман Артурович**

кандидат исторических наук, доцент,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
romachka1818@rambler.ru

Аннотация. В работе рассмотрена краткая история бунтов военно-служилого населения Забайкалья XVII в. в контексте охранно-полицейских функций управленческого аппарата. Автор определяет ключевые функции должностных лиц, обеспечивавших полицейский порядок, суд и надзор. В числе значимых полномочных должностей числились приказчики и воеводы, основную поддержку которым в вопросе полицейской охраны оказывали казаки. Автором предпринята попытка выявить не только характерные исторические черты бунтов, но и причины их породившие. Одной из важных причин данных событий, прошедших на территории Забайкалья в течение второй половины XVII в., безусловно, были злоупотребления ответственных должностных лиц и значимый для данного периода времени запрос на справедливость. По мнению автора, несмотря на особенности региона, его крайнюю удаленность и приграничность, Забайкалье переживало те же трудности социально-политического развития России, характерные для XVII в., которые и получили в историографии наименование Бунташного века. Вместе с тем имелись и особенности указанных процессов, которые характерны для регионов Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. В числе прочих это крайняя удаленность региона от центров принятия решений, высокая концентрация военно-служилого населения, отсутствие регулярных полицейских служб, способных выявлять угрозы правопорядка и трансграничность.

Ключевые слова: Бунташный век, Забайкалье, история казачества, остроги, сохранение безопасности, приказчики, воеводы, казаки.

Для цитирования

Евтехов Р. А. Бунташные полвека Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2022. Вып. 3. С. 22–27.

Одновременно с ростом числа первых государственных институтов управления на восточных рубежах России реализуются и полицейские и их функции. Необходимость создания отдельных полицейских учреждений еще не была осознана на государственном уровне и являлась дополнением к административному и военному управлению регионом.

Наблюдение за порядком в острогах, как и в большинстве малых населенных пунктов России в конце XVII — начале XVIII в., находилось в ведении приказного управления. Приказчики могли чинить следствие и суд по незначительным делам, но основная их задача заключалась в задержании и допросе подозреваемого с последующим извещением об этом руководства (воеводы). Анализ «наказной памяти» приказчикам острогов привел исследователей к мне-

нию о неоднозначности исполняемых ими функций в этой сфере [1, с. 92]. Природно-климатические особенности и политическая конъюнктура могли противоположно определять их функциональные особенности. Еще с XVII в. приказчикам полагалось «ведать судом и расправою», что предполагало надзор за местным населением и служилыми людьми. В регионах же с нестабильной приграничной обстановкой и не всегда мирными ясачными областями как Забайкалье на первый план выходила оборонительная функция. К этому добавлялись поддержание безопасности острога, расстановка и надзор за караулами, осмотр порядка содержания оружия служилых людей и т. д. Тяжкие преступления всегда находились в полномочиях производства воевод.

Вся полнота непосредственной стражи правопорядка была в ведении служилых казаков, которые часто были загружены различными военно-стратегическими и оборонительными задачами. Относительно крупные воеводские города как Нерчинск кроме воинских команд могли иметь специальные должности городничих или городских приказчиков, назначавшихся из дворян или детей боярских. Такая должность была предусмотрена в штате воеводской канцелярии Нерчинска [3, с. 13]. Известно, что городничие этого времени имели отношение к наблюдению за крепостью, состоянием фортификационных сооружений, казенных запасов в крепости, за пожарной безопасностью, сохранением тишины и спокойствия и пресечением корчемства и т. д. В других поселениях — зимовьях, острогах и небольших городах — без приказчиков соответствующие охранно-полицейские функции выполнял имевшийся на месте воинский начальник, который был полномочен в этот период, как правило, лишь для собственного круга воинских чинов, за которыми надзирали, пресекали и вели розыск беглых.

Почти абсолютная власть воевод, вызванная значительным отдалением приграничья от центра России, а также совмещением полицейских и судебных полномочий при почти бесправном населении без системы самоуправления, создавала широчайшие возможности для злоупотреблений. Единственным средством к пресечению такого поведения, особенно на дальних рубежах России, была систематическая замена воевод раз в несколько лет. Летописец так характеризовал местных управленцев: «Сибирь была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями... для коих украсть, ограбить, даже убить человека из-за денег, продать душу за алтын считалось ни во что» [5, с. 57]. Такое положение дел, надо отметить, признавалось и центральной властью: «многие воеводы воруют лучшие ясачные соболя», «емлют себе многие взятки» и т. д.¹

Нигде такие злоупотребления воевод не доходили до той степени, когда населению становилось совершенно «не можно жить», и после безрезультатной мольбы государю о смене воевод народ открыто поднимал против них бунт и своими силами пытался оградить себя от «воевод-разорителей, грабителей, мучителей» [5, с. 58]. Качество воеводского управленческого аппарата и его взаимодействие с обществом ярко иллюстрируются в работе Н. Н. Оглоблина, где приведены и прокомментированы архивные документы относительно Красноярского бунта 1695–1698 гг.

¹ ПСЗРИ. Собр. I. 1689–1699. Т. III, № 1532.

Восточные рубежи России в этом отношении переживали те же процессы. Так, в Нерчинском остроге в 1673–1676 гг. проходило восстание, связанное со злоупотреблениями приказчика П. Шульгина, который «...за взятки выпускал бурятских аманатов... скупал хлеб, курил из него вино, варил пиво, продавал, а другим есть нечего было по дороговизне хлеба, питались травой и кореньями; бил служилых кнутом и батогами, велел брать в руку батонов по пяти и шести» [7, с. 238]. Доведенные до отчаяния казаки отказались повиноваться приказчику. Дело приняло серьезный оборот: казаки не пустили его в приказную избу, выбрали нового приказчика.

В Сибири в течение XVII в. отказ от приказчиков и воеводы наблюдался часто. В том же Нерчинске 8 октября 1695 г. вспыхнуло новое восстание. Из отписки в Сибирский приказ Иркутского воеводы следует, что «Антону Савелову нерчинские служилые люди и всяких чинов жители от воеводства отказали и «держали ево, Антона, за караулами выбрали, де, меж собой для расправ двух человек, сына боярского Исака Аршинского да пятидесятника Филипа Свешникова» [5, с. 58]. Выборные лица исполняли воеводские обязанности почти два года, до прибытия нового воеводы в 1679 г.

В 1696 г. приказчик Герасим Турчанинов жаловался на баргузинских казаков, называя их ворами, разбойниками, грабителями; «...напали на меня, на домишко мое и разрубили все без остатку, и женишку мою мучили и вязали, также и людишек моих в воду бросали» [5, с. 59]. Безусловно, не стоит воспринимать местное казачье население сквозь призму указанных фактов исключительно как варваров и разбойников. Казаки осознавали несправедливость и боролись с ней всеми доступными способами, в частности, и вполне законными — сообщая высшим начальникам и государю о злоупотреблениях местных управленцев, если же реакции на их сообщения не следовало, то они использовали единственный доступный им метод борьбы — бунт. Такое свободолюбие порождало и некоторые зачатки гражданской организации и даже прописанные договоры. В договоре служилых людей Селенгинского, Удинского, Кабанского и Ильинского острогов, составленном в апреле 1696 г., говорится: «есть ли начальные люди, воеводы и приказные учнут нам чинить какие напрасные обиды и налоги и какое разоренье и на них... государем бить челом ... и быть нам... служилым людям всем заодно вместе».

Одним из самых массовых выступлений был «бунт заморских казаков против Иркутского воеводы А. Савелова в 1696 г.» [8, с. 422–436]. В ответ на его злодеяния в 1696 г. казаки и служилые люди Удинского и Селенгинского острогов подняли восстание. Интересна в этом отношении челобитная удинского приказчика А. Бейтона, который, находясь в самой гуще событий, с должности казаками не был смещен: «удинские казаки взбунтовались и пограбили животы ... и впредь грабить хвалятся, а унять их невозможно». Изрядно напугав воеводу своим приходом в Иркутск «с ружьем к городу и к воеводскому двору к нему, Афанасию [воеводе], приступили... и из пищалей к стрельбе на него...». Можно констатировать, что казаки не взбунтовались целиком против системы власти, существовавшей на тот момент, ведь удинского приказчика не тронули, ограбили и побили только людей воеводы и попытались наказать самого воеводу, из чего следует, что казаки пытались восстановить справедливость в собственном понимании и защитить себя от посягательств со стороны воеводы.

В Западной Сибири громкими делами часто занимались присланные государем сыщики. Для Восточной Сибири более характерно расследование таких дел присланным на место службы воеводой. Например, указом от 1 февраля 1701 г. в числе прочего ново назначенному Нерчинскому воеводе Ю. Бибикову было поручено окончить расследование убийства иркутского боярского сына С. Шестакова в 1695 г. казаками Аргунского острога и разделам его имущества между убийцами. Прежний воевода С. Николаев расследовал дело и выяснил, что Шестаков чинил разные обиды местным тунгусам, вследствие чего некоторые из них откочевали. Казаки вменили Шестакову в вину сокращение его действиями ясака, за что между ними завязалась перепалка и впоследствии он был убит. Указом воеводе было поручено «розыск... производить не очень жестокий, чтобы не смутить и не разогнать казаков», а «зачинщиков двух или трех человек наказать жестоко, сослать в Якутск»¹. Но в связи со смертью Николаева его сын побоялся возобновить следствие «из опасения вызвать смуту». Такие дела обычно рассматривались быстрее остальных, так, в течение двух лет были расследованы убийства на Камчатских острогах и ограбление имущества приказчиков [9, с. 472], в результате которого из повинных 30 человек были казнены только зачинщики, остальные «биты кнутом нещадно». Таким образом, расследование и раскрытие преступных дел, творимых служилым сословием в дальних регионах, часто были затруднены не только их отдаленностью, но и слабостью власти на местах. Поэтому можем предположить, что нередко решение воеводы было продиктовано не столько законным основанием, сколько политическим положением и расстановкой сил его окружения. Не только расследования дел в этот период могли занимать годы, но и поиск преступников, даже в громких делах. Например, в 1703 г. был убит представитель знаменитого княжеского рода Гагариных Матвей Михайлович [12, с. 430] своим сыном Степаном. Последний скрывался от правосудия под другой фамилией, успел жениться и распоряжался оставленным ему отцом имением. Только в 1722 г. Степан был казнен за убийство отца.

В Забайкалье в последней трети XVII в. и на рубеже XVII–XVIII вв. бунты, в общей хронологии не занимающие и половины века, очень показательны и в сущности отражают схожие социально-политические процессы окраин. В отсутствии регулярной службы защиты порядка и справедливости и независимого суда общество восточных окраин России, как и другие территории, что видно из аналогичных примеров по всей территории Сибири и Дальнего Востока, стремилось через имеющиеся у него возможности восстановить справедливость и защитить себя. Единственными средствами защиты общества были челобитные и бунты. Конечно, возможность устраивать бунты и защищать себя была больше у людей вооруженных, как служилых и казаков. Не всегда учиненный ими суд и расправа были гуманными, но всегда отражали видение справедливости сурового приграничного общества. При этом служилое и податное общества не находились на каком-то первобытном уровне жестокости, напротив, ими осознавалась необходимость сохранения порядка и спокойствия в регионе и их роль в этом. Иной вопрос, когда казаки считали справедливым жестоко наказать, порой даже ограбить зарвавшегося воеводу или приказчика, оправдывая это логикой — глаз

¹ ПСЗРИ. Собр. I. 1700–1712. Т. IV, № 1835.

за глаз, раз он ограбил нас, мы можем ограбить его. В этой структуре ценностей и понятий о справедливости могло не найтись места статусу воеводы как государева человека, ведь сами казаки тоже считали себя людьми государевыми. В числе различных социально-политических процессов, протекавших в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, включая Забайкалье, необходимо указать и характерные особенности, отличавшие эти процессы от тех, что протекали в Европейской части России, такие как крайняя удаленность региона от центров принятия решений, высокая концентрация военно-служилого населения, отсутствие регулярных полицейских служб, способных выявлять угрозы правопорядка и трансграничность.

Литература

1. Бобров Д. С. Наказные памяти приказчикам острогов и слобод Западной Сибири в административно-правовой системе конца XVII — первой половины XVIII в. (по материалам кузнецкого уезда) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 87–95. Текст: непосредственный.
2. Лезина Е. П. Воеводское управление пограничных территорий российского государства в XVII в. // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2011. № 4–2. С. 177–187. Текст: непосредственный.
3. Николев И. Н., Найденов Н. А. Сибирские города. Материалы для их истории. XVII и XVIII столетия. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. Москва: Типография М. Г. Волчанникова, 1886. 146 с. Текст: непосредственный.
4. Чечерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. Москва: Типография Александра Семена, 1856. 606 с. Текст: непосредственный.
5. Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья. XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1993. Ч. 1. 247 с. Текст: непосредственный.
6. Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695–1698 годов: очерк из истории народных движений в Сибири. Томск: Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1902. 47 с. Текст: непосредственный.
7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен / ответственный редактор Л. В. Черепнин. Москва: Соцэкгиз, 1962. Кн. 7. 726 с. Текст: непосредственный.
8. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / составители Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ: АН Тип. Мин. Культ. БурАССР, 1960. Вып. 1. 493 с. Текст: непосредственный.
9. Памятники Сибирской истории XVIII века / под редакцией А. И. Тимофеева. Кн. 1: 1700–1713. Санкт-Петербург: Тип. МВД, 1882. 541 с. Текст: непосредственный.
10. История Сибири. Ч. II. Период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны / составлена по данным, представляемым полным собранием законов и актам Петровского царствования В. К. Андриевичем. Санкт-Петербург: Типография В. В. Комарова, 1889. 487 с. Текст: непосредственный.
11. Окунь С. Б. К истории Бурятии в XVII в. // Красный архив. 1936. № 3(76). С. 156–191. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

HALF A CENTURY OF REBELLIONS
IN TRANSBAIKALIA

Roman A. Evtekhov
Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia
romachka1818@rambler.ru

Abstract. The article presents a brief history of rebellions of the military service population of Transbaikalia in the 17th century in the context of security and police functions of the administrative apparatus. We have identified the officials who ensured police order, court and supervision. Among the key competent authorities are clerks and voivodes, who were mainly supported by the Cossacks. We have made an attempt to identify not only the characteristic historical features of the rebellions, but also the reasons that gave rise to them. One of the most important reasons for the events that took place on the territory of Transbaikalia during the second half of the 17th century was undoubtedly malversation of responsible officials, as well as the important for this period request for justice. We believe that, despite the extreme geographical distance and transboundariness of the region, Transbaikalia experienced the same difficulties in socio-political development as other Russian regions in the 17th century, which received the name of the Rebellious Age in historiography. At the same time, there were also features, which are typical for the regions of Eastern Siberia, Transbaikalia and the Far East, such as an extreme remoteness of the region from decision-making centers, high concentration of the military service population, the lack of regular police services capable of detecting threats to law and order and transboundariness.

Keywords: Rebellious Age, Transbaikalia, history of the Cossacks, ostrogs, security, clerks, voivodes, Cossacks.

For citation

Evtekhov R. A. Half a Century of Rebellions in Transbaikalia. *Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia*. 2022; 3: 22–27 (In Russ.).

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.